

В некоторых разделах, посвященных хозяйству округа, характеристике природных богатств уделяется гораздо большее внимание, чем вопросам их эксплуатации. Например, в разделе об охотничьем хозяйстве характеристике запасов пушного зверя отводится восемь страниц (стр. 215—222), а организации промысла — менее трех (стр. 225—227). В результате для читателя остается не вполне ясным даже такой существенный вопрос: отправляются ли охотники на промысел поодиночке, звеньями или бригадами. О естественных запасах морского зверя говорится также на восьми страницах (стр. 237—244), а об организации промысла колхозами буквально одна фраза: «Он организуется колхозами и имеет местное потребительское значение» (стр. 246). То же замечание надо сделать и по разделу о лесном хозяйстве: опять-таки подробно охарактеризован лесной фонд округа и слишком кратко сказано о его эксплуатации. Из-за этой диспропорции в описании оказываются неясными и некоторые рекомендации по развитию хозяйства. Так, авторы предупреждают о недопустимости сплошной вырубке леса (стр. 253), но нигде не сказано, практикуется в настоящее время такая рубка или нет, поэтому рекомендация теряет свою направленность.

В разделах об оленеводстве, культуре и быте коренного населения наиболее досадное упущение заключается в том, что совершенно обойден вопрос об оседании, если не считать одной фразы в заключении: «Эта проблема не снимается с повестки дня в тех районах, где существуют оленеводство и пушная охота, необходимо развитие которых в округе бесспорна» (стр. 301). Такая формулировка теперь, после того как год назад было принято постановление Совета Министров РСФСР, предусматривающее завершение в ближайшие два-три года переход всего населения Севера на оседлость, явно недостаточна. Авторам надо было бы подробнее остановиться на проблеме оседания оленеводов в Корякском национальном округе и с учетом местных условий по возможности дать рекомендации для решения этой сложной проблемы.

В работе имеются и более частные недочеты. Так, не вполне четко охарактеризован общественный строй коряков к приходу русских. Приводимые авторами по этому вопросу материалы (стр. 36) определенно указывают, что у коряков в тот период существовала первобытная соседская община. Однако авторы ограничиваются тем, что называют общину коряков «своеобразной», не давая более точного определения (стр. 36). Иногда авторы забывают, что их книга рассчитана на широкие круги читателей, и высказывают мысли, требующие пояснения. Например, неспециалисту непонятно, почему принадлежность Корякского национального округа к внутренней зоне Тихоокеанского рудного пояса дает «основание для оптимистических выводов в отношении металлогении округа» (стр. 24). В главе I работы авторы, говоря о богатстве округа различными полезными ископаемыми, не объясняют, почему месторождения их пока мало разрабатываются. Встречаются в работе неудачно сформулированные утверждения. Так, вряд ли можно сказать, что желание «быстро скатываться с гор» было одной из причин, по которой лыжи подшивались мехом (стр. 246), или что «дореволюционная торговля в округе не преследовала цели снабжения населения...» Сами авторы строкой ниже говорят, что «торговля сводилась по существу к покупке мехов и снабжению (подчеркнуто мной.—Л. Ф.) коренного населения «легкими» товарами: мануфактурой, охотоснаряжением, спиртом и т. п.» (стр. 262—263). Совершенно правильная мысль о том, что купцов интересовало не удовлетворение первоочередных нужд населения, а только получение прибыли, выражена здесь неудачно.

Отмеченные недостатки нетрудно будет устранить при переиздании книги. В целом же она заслуживает высокой оценки как солидный и содержащий большой фактический материал труд, полезный всем, кто работает на Советском Севере или интересуется жизнью его населения.

Л. А. Файнберг

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Восточноазиатский этнографический сборник. Труды Института этнографии им. Н. П. Миклухо-Маклая, нов. серия, т. LX, изд. АН СССР, М.—Л., 1960, 272 стр. + 1 карта и 3 схемы.

В конце 1960 г. вышел из печати «Восточноазиатский этнографический сборник» (выпуск I), подготовленный сектором Восточной и Южной Азии Ленинградской части Института этнографии АН СССР. В сборник вошли работы: Р. Ф. Итса «Мяо», Ю. В. Ионовой «Корейская деревня в конце XIX — начале XX в.», К. В. Вяткиной «Монголы Монгольской Народной Республики».

Выход в свет этого сборника дает возможность советским и зарубежным читателям шире ознакомиться с историей, бытом и культурой народов Китая, Кореи и Монголии. Использование новой литературы, многочисленных источников на восточных языках и полевого материала (в статье К. В. Вяткиной) дало возможность авторам

не только описать различные стороны жизни этих народов, но и обосновать некоторые теоретические положения.

Сборник открывает работа Р. Ф. Итса «Мяо (историко-этнографический очерк)». Она состоит из введения, двух больших частей, разделенных на главы, заключения, списка источников и литературы на китайском языке.

Во введении автор отмечает сложность этнического состава Китая, кратко останавливается на истории изучения мяо и их положении в прошлом.

Народ мяо избран автором как объект исследования не случайно. До последнего времени в историко-этнографической литературе высказывались противоречивые, а порой путаные, мнения об этногенезе этого народа, специфике его культуры, культурно-исторической связи мяо с китайским народом. Р. Ф. Итс сумел дать убедительное, на наш взгляд, решение этих вопросов.

Рассмотрение проблемы этногенеза Р. Ф. Итс начинает с критического разбора антропологического и археологического материала, содержащегося в трудах советских, китайских и западноевропейских ученых. Основные выводы автора сводятся к признанию мяо одним из народов южноазиатской группы типа малой южномонголоидной расы с примесью веддоидных признаков (стр. 13, 16, 23). Областью формирования этого типа автор справедливо считает южный Китай, что подтверждается новейшими исследованиями Н. Н. Чебоксарова. Археологические данные позволили Р. Ф. Итсу научно обосновать теорию автохтонного происхождения мяо в южном Китае и начать их этническую историю с неолитических стоянок Нанкин-Дунтинского комплекса.

Во второй главе, посвященной вопросу о языковой классификации мяо, автор путем анализа основного словарного фонда языков мяо, народов мон-кхмерской, тибето-бирманской групп, а также языка тай, показал несостоятельность попыток некоторых лингвистов включать, вслед за Х. Р. Дэвисом, язык мяо в мон-кхмерскую языковую семью. Р. Ф. Итс, как и китайские лингвисты, считает, что язык мяо составляет отдельную ветвь китайско-тибетской семьи. Эта точка зрения общепринята в советской науке.

Глава третья посвящена этнической истории мяо. Большая заслуга автора в том, что он собрал и изучил почти все письменные документы о народе мяо. Особенно ценными не только для этнографов, но и для китаеведов представляются страницы, где приведены выдержки из древнекитайских хроник. Несмотря на фрагментарность сведений о мяо, автор прослеживает их историю, начиная с первых упоминаний в хрониках об этом народе вплоть до сложения мяо в народность.

Р. Ф. Итс разработал логичную, достаточно аргументированную концепцию о происхождении мяо и яо из единого этнического пласта саньмяо, которые обитали в южном Китае три тысячи лет назад.

Часть вторая этой работы посвящена культуре и быту мяо. Здесь рассматриваются хозяйство и материальная культура мяо, их общественный строй и семейные отношения до и после Освобождения. Заключает работу глава о духовной культуре мяо, их верованиях, обрядах, праздниках, танцах, письменности и фольклоре. Автор сумел показать самобытность национальной культуры мяо, сохранивших ее, несмотря на тяжелые испытания, выпавшие на долю этого народа в прошлом. Р. Ф. Итс в своей работе останавливается кратко на жизни мяо в братской семье народов КНР, где они обрели все возможности для всестороннего развития.

Рецензируемая работа не свободна от некоторых недостатков. При чтении ее складывается впечатление, что она написана лет 5—6 назад. Автор пользуется в ряде случаев терминологией, уже не принятой в нашей литературе («тибето-китайская семья» вместо «китайско-тибетская», «тонкинские мяо», хотя название Тонкин, данное французскими колонизаторами северной части Вьетнама, уже давно вышло из употребления). Сведения, приводимые автором о переменах, происшедших в жизни мяо в последние годы, не достаточно полны. Говоря о продвижении китайцев на юг с начала эпохи Цинь в районы, населенные «мянями», и их культурном и экономическом взаимодействии с последними, автор датирует распространение китайцев по всей территории южного Китая I—II вв. н. э. (стр. 47). Следует напомнить, что войска циньского императора Циньшихуанди овладели Юго-восточным Китаем и даже Северным Вьетнамом уже в III в. до н. э.

Но эти недочеты не умаляют большого научного и политического значения работы Р. Ф. Итса. В ней впервые так подробно и аргументированно подвергнута критике теория Х. Р. Дэвиса, сформулирована научно обоснованная концепция о происхождении мяо — яо и с такой полнотой дано этнографическое описание мяо. Это позволяет считать работу Р. Ф. Итса «Мяо» одной из лучших работ советских ученых, посвященных этнографии народов Восточной Азии.

Ю. В. Ионова в работе «Корейская деревня в конце XIX — начале XX в. (историко-этнографический очерк)» ставит целью показать изменения, происходившие в то время в деревне в связи с развитием капиталистических отношений в Корее. Важность постановки этой темы, тем более когда ее разрешением занят этнограф, не вызывает сомнений.

Работа состоит из двух глав: в первой дана социально-экономическая характеристика корейской деревни, вторая посвящена описанию быта корейского крестьянства — жилища, пищи, одежды, семейных отношений, верований и обрядов.

Автор обращается к проблемам, представляющим интерес не только для этнографов, но и для историков-экономистов. Характеризуя состояние хозяйства в целом, Ю. В. Ио-

нова приводит мнение японских авторов, что «...развитие капитализма в Корее произошло исключительно благодаря иностранному, прежде всего японскому, капиталу», что «без вмешательства извне Корея никогда не смогла бы вступить на путь капитализма» (стр. 119). Выступая против этого тезиса, Ю. В. Ионова пишет: «...суть вопроса заключается в том, что еще до проникновения иностранного капитала в недрах феодального общества Кореи создавались предпосылки для развития капитализма» (стр. 119). Из материалов автора вытекает, что процесс капиталистического развития начался именно с конца XIX в., когда приток иностранных товаров подорвал основы натурального хозяйства, разрушил крестьянское домашнее ремесло, когда на базе докапиталистических мануфактур появились первые национальные предприятия и распространился наемный труд. В связи с этим кажется странным безоговорочное утверждение автора, что основу экономики Кореи составляло натуральное хозяйство (стр. 125, 126). Несколько выше Ю. В. Ионова пишет, что основы натурального хозяйства в Корее были подорваны уже в последней четверти XIX в. (стр. 119). То же утверждение повторяется на стр. 126, 136. Ю. В. Ионова пишет: «К концу XIX в. хозяйство крестьянства Кореи стало в значительной степени товарным, крестьяне уже не могли существовать без купли-продажи» (стр. 155). Эти противоречия порождены нечеткостью формулировок автора. Эта же нечеткость присуща разделу этой главы, посвященному землевладению и землепользованию в Корее того времени. Автору следовало бы точнее формулировать свои положения, что, несомненно, устранило бы многие противоречия в этой работе.

Интересна глава вторая этой статьи, где дается этнографическое описание корейской деревни на рубеже XIX—XX вв., составленное автором достаточно всесторонне на основе суммирования многих литературных данных по этому вопросу. К сожалению, автор недостаточно полно показал изменения в быту корейского крестьянства, связанные с развитием капиталистических отношений в Корее. Следует упрекнуть Ю. В. Ионову также в том, что она слабо использовала литературу на корейском языке, привлечение которой сделало бы работу более интересной.

В работе К. В. Вяткиной «Монголы Монгольской Народной Республики» публикуются материалы, собранные автором в 1948—1949 гг. во время историко-этнографической экспедиции, организованной Комитетом наук МНР и Академией наук СССР.

Маршрут этнографического отряда охватил наиболее интересные районы западной, центральной и восточной части Монголии. Южная часть МНР осталась необследованной. Основная работа велась в сельской местности. Несмотря на короткий срок работы (два полевых сезона по три летних месяца), автору и его сотрудникам удалось собрать чрезвычайно большой и интересный материал почти по всем этническим группам монгольского населения МНР, в том числе и западных районов, отличающихся сложностью этнического состава.

В работе К. В. Вяткиной широко охвачены все стороны быта населения МНР: сельское хозяйство, охота, средства передвижения, жилище, одежда, пища, различные обряды, поверья, предания, легенды, праздники, изобразительное искусство. В работе ярко и наглядно представлена живая этнографическая действительность конца 40-х годов XX в.

Автор, анализируя этнографический материал, сумел выделить из всей массы разнообразных данных основные черты, характерные для культуры монголов в целом, что имеет немаловажное значение при разработке проблем их ранней этнической истории. Так, например, К. В. Вяткина устанавливает, что, несмотря на разнообразие форм женской прически, зафиксированных некоторыми путешественниками у разных племен, она у всех монголов состоит из одних и тех же основных элементов (стр. 199—200). Автор впервые уделяет должное внимание наличию в монгольском языке терминов, характерных для классификационной системы родства, которая восходит к материнскому роду. Так, в работе приводятся термины родства у халха и дэрбэтов. Автор предполагает, что некоторые дэрбэтские термины родства заимствованы из тюркского языка (стр. 237). Не исключена возможность, что в дэрбэтских терминах родства или сохранились следы древней тюрко-монгольской языковой общности, или же эти термины были заимствованы из языка древнего домонгольского населения, обитавшего некогда в западных районах МНР. Архивные данные Комитета наук МНР по племенному и родовому составу, относящиеся к 1925 г., также показывают, что «в этническом отношении халха представляют сложный комплекс, в состав которого вошли как коренные монгольские племена, так и племена и роды немонгольского происхождения» (стр. 238).

В разделе «Остатки добуддийского культа» К. В. Вяткина анализирует связанный с культом деревьев термин «удуган», обозначающий шаманку-женщину, известный в различных фонетических вариантах у монгольских и тюркских народов. Автор раскрывает древность этого термина, связывая его с известным наименованием земли и духов земли стугу (другое древнее значение — женское материнское начало, символ плодородия) и относит возникновение этого термина к эпохе материнского рода (стр. 254).

Народные праздники и игры (надан), которые описывает автор, приурочены к 11 июля — годовщине вступления Монгольской Народно-революционной армии в Улан-Батор. Они служат ярким примером сохранения старой народной традиции военно-спортивных состязаний, известных по документам еще с XIII в. В настоящее

время эта традиция наполнена новым содержанием: проведение надана знаменует собою успешное выполнение народнохозяйственного плана. Любимые населением традиционные соревнования в стрельбе из лука, борьбе, скачках сочетаются с выставкой достижений народного хозяйства, науки, показом новых форм культуры и быта, образцов ухода за скотом и т. п., что, как отмечает автор, имеет большое пропагандистское и воспитательное значение (стр. 257—265).

Чрезвычайно интересен материал, собранный автором по народному изобразительному искусству. До сих пор монгольское изобразительное искусство не изучено, и для этого еще не собран достаточный материал. Недавно в МНР был издан альбом, где собрано большое количество образцов монгольского орнамента, но он не исчерпывает всех видов изобразительного искусства. В статье К. В. Вяткиной делается интересный опыт интерпретации наиболее характерных образцов орнамента. Сопоставляя монгольские и тюркские языковые материалы с мотивом орнамента, наиболее широко распространенным у монголов и известным в бесчисленном количестве вариантов под названием «ульзий», «ользий», автор делает вывод, что «...орнамент ульзий (ользий) уходит своими корнями в очень древние времена, связанные с охотничьим бытом; возможно также, что самый термин является наименованием тотемного животного. Наличие как в монгольском, так и в тюркском языках близкого термина, относящегося к орнаменту, символизирующему горного барана, указывает также на далекие связи предков монголов и тюрков» (стр. 271). Хотелось бы в связи с этим обратить внимание еще на один орнамент, имеющий аналогии с древнетюркским. Это орнамент на дереве (рис. 30, нижний), сохраняющий ряд общих черт с орнаментом на могильных памятниках тюркского времени, приведенных у Г. И. Боровки¹. Отличие имеется только в деталях.

Следует отметить, что во всей работе содержится много тюркских параллелей. Эти общие черты в языке, терминах родства, орнаменте и т. д. позволяют автору в каждом отдельном случае делать выводы о значении тюркских элементов в этногенезе монголов. Выводы эти, построенные на фактических данных, находят подтверждение и в письменных источниках. Из китайских хроник известно, что в центральной, южной и особенно западной части территории МНР в древности, во всяком случае до X в. н. э., обитали тюркоязычные племена. Прямые же предки монголов жили восточнее Хэнтзя, расселяясь широкой полосой вдоль Хингана до границ Китая. Многочисленные тюркские элементы, сохранившиеся в терминах родства, орнаменте, словарном составе, свидетельствуют о том, по-видимому, что процесс этногенеза монголов на всей территории МНР не был завершен к началу XII в., а постепенное слияние тюркских и монгольских этнических компонентов и ассимиляция тюркского компонента монгольским были более длительными, чем обычно принято думать.

Материалы, собранные К. В. Вяткиной, заставляют еще раз пересмотреть недостаточно хорошо подкрепленную фактами, но широко распространенную точку зрения, что все племена Монголии в начале XIII в. (монголы, найманы, керенты) были монголоязычны и в качестве таковых дали начало монгольскому народу. Это упрощенное понимание процесса этногенеза монголов в свете новых материалов должно быть критически и внимательно пересмотрено.

Работа К. В. Вяткиной вводит в научный обиход новый достоверный и разносторонний фактический материал, который может быть положен в основу дальнейших исследований по этнографии монголов МНР. Статья сопровождается большим количеством фотоснимков и прекрасно выполненных цветных и черно-белых рисунков, воспроизводящих орнаменты, предметы одежды и т. п., что еще более повышает качество этой интересной работы.

Вместе с тем необходимо отметить, что публикуемый материал относится к 1948—1949 гг. и, когда он записан со слов информаторов, к более раннему времени. Остается только пожалеть, что эти интересные данные не были опубликованы уже несколько лет назад. Следует также отметить отсутствие в работе достаточно конкретного материала по современности.

Книга в целом хорошо оформлена. Набор иероглифического текста безусловно повышает качество сборника. В то же время в тексте статей содержится много опечаток. К наиболее досадным можно отнести упоминание о том, что в КНР насчитывается 40 национальных меньшинств, тогда как их на самом деле более 50 (стр. 3).

Рецензируемый сборник очень интересен как постановкой ряда научных проблем, так и публикацией новых фактических материалов. Хочется надеяться, что этот сборник станет первым в ряду монографических исследований советских ученых, посвященных этнографии Восточной и Юго-Восточной Азии.

Л. Л. Викторова, Ю. И. Журавлев,
А. И. Мухлинов

¹ Г. И. Боровка, Археологическое обследование среднего течения р. Толы, сб. «Северная Монголия» II, Л., 1927, рис. 8.